

Я назвал это сказкой, чтобы читателя не ввели в заблуждение первые главы и он сразу знал, на что идет. Если же вы спросите, почему эти главы так будничны, я отвечу, что следую традиции. Мы не всегда это замечаем, потому что хижины, замки, дровосеки и короли стали для нас такими же странными, как ведьмы и людоеды. Однако для людей своего времени они были обычнее, чем Брэктон — для меня. Многие крестьяне знали злых мачех, тогда как мне еще не довелось повстречать таких ученых. Но главное для меня — та важная мысль, о которой я пытался сказать в книге «Человек отменяется». Из всех профессий я выбрал свою не потому, что сотрудники университетов легче поддаются бесам, а потому, что лишь эту профессию я знаю достаточно хорошо, чтобы о ней писать. Тем, кто хочет понять получше, что такое Нуминор, придется (увы!) подождать, пока выйдут рукописи моего друга, профессора Дж. Р. Р. Толкина. Повесть эта — последняя часть трилогии (первые две части — «За пределы безмолвной планеты» и «Переландра»), но ее можно читать отдельно.

*Оксфорд
Колледж Св. Магдалины
Канун Рождества*

Навис покров мерзейшей мощи
Подобно тьме угрюмой ночи.

Сэр Дэвид Линдсей

Глава I

ПРОДАЖА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЗЕМЛИ

1

«А в-третьих, — сказала самой себе Джейн Стэддок, — вы сочетаетесь браком, чтобы помогать друг другу, поддерживать друг друга и утешать». Она вышла замуж полгода тому назад, и слова эти засели у нее в памяти.

Сквозь открытую дверь она видела маленькую кухню и слышала громкое, неприятное тиканье часов. Из кухни она только что вышла и знала, что там все прибрано. Посуду она вымыла, полотенце повесила на радиатор, протерла пол. В комнатах тоже был порядок. Сейчас она вернулась из магазина, купила все на сегодня, а до одиннадцати оставалась целая минута. Если даже Марк придет к обеду, у нее только два дела на все семь часов: второй завтрак и чай. Сегодня там у них собрание. Когда она сядет пить чай, Марк непременно позвонит и скажет, что пообедает в университете. День лежал перед ней пустой, как квартира. Сияло солнце, тикали часы.

«Помогать, утешать, поддерживать...» — печально подумала Джейн.

На самом деле, выйдя замуж, она сменила дружбу, смех и массу интересных дел на одиночное заключение. Никогда еще она не видела Марка так редко, как в эти полгода. Даже если он сидел дома, он почти не разговаривал — то ему хотелось спать, то он о чем-то думал. Когда они были друзьями и позже, когда влюбились, ей казалось, что и за целую жизнь им всего не переговорить. Зачем он на ней женился? Любит он ее? Если любит, слово это значит не одно и то же для мужчин и женщин. По-видимому, бесконечные разговоры были для нее заменой любви, для него — предисловием.

«Вот и еще одно утро я промаялась... — сказала она самой себе. — Работать надо!»

Под работой она понимала диссертацию о Донне. Она не хотела бросать науку, и отчасти поэтому они решили не иметь детей, во всяком случае — теперь. Оригинальным мыслителем Джейн не была и собиралась подчеркнуть в своем труде «победное оправдание плоти» у избранного ею автора. Она еще верила, что, если обложиться выписками, заметками и книгами и сесть за стол, бывшее вдохновение вернется к ней. Но прежде — быть может, для того, чтобы оттянуть первый миг, — она полистала газету и увидела фотографию.

Тогда она вспомнила свой сон. Вспомнила она и те несчитанные минуты, когда сидела на кровати и ждала рассвета, не зажигая лампы, чтобы Марк не проснулся. Он ровно дышал, и это обижало ее. Он вообще спал как убитый. Только одно могло разбудить его, и то ненадолго.

Сон был дурной, но дурные сны тускнеют, когда их рассказываешь. Однако мы его расскажем, иначе многое будет непонятно. Сперва ей приснилось лицо. Лицо это было смуглое, носатое и очень страшное — главным образом потому, что на нем запечатлелся страх. Рот был приоткрыт, глаза расширены, как расширяются они на секунду, когда ты ошеломлен; но ей почему-то стало ясно, что шок длится несколько часов. Потом она разглядела всего человека. Он скорчился в углу белой каморки и, по-видимому, ждал чего-то ужасного. Наконец дверь отворилась и вошел другой человек, благообразный, с седой бородкой. Они стали разговаривать. Раньше Джейн не понимала, что говорят люди в ее снах, или просто не слышала. Сейчас она слышала, но почти ничего не понимала, потому что говорили они по-французски, и это придавало сну особую достоверность. Второй человек сказал первому что-то хорошее, и тот оживился и воскликнул: «Tiens... ah... ça marche»*, но потом как-то поджался. Второй тем не менее убеждал его настойчиво и тихо. Он был недурен собой, хотя и холодноват, но в пенсне его отражалась лампочка, и глаз она не разглядела. Кроме того, у него были слишком безупречные зубы. Джейн он не понравился. Особенно ей не нравилось, что он мучает первого. Она не понимала, что он предлагает, но как-то догадалась, что первый приговорен к смерти и предложения эти пугают его больше, чем казнь. Тут сон утратил свой реализм и превратился в обычный кошмар. Второй поправил пенсне и, холодно улыбаясь, схватил первого за голову обеими

* Смотрите-ка... да... хорошо (*фр.*).

руками. Он резко повернул ее (Джейн видела прошлым летом, что так снимают шлем с водолаза), открыл и унес. Потом все смешалось. Появилась другая голова, со струящейся бородой, вся в земле. За ней появилось и тело, какой-то старик, похожий на друида. Его откуда-то выкапывали. Сперва Джейн не испугалась, резонно предположив, что он мертвый; но он зашевелился.

«Не надо! — крикнула она во сне. — Он живой! Вы его разбудите!»

Но они ей не вняли. Старик присел и заговорил как будто бы по-испански. Это испугало ее так сильно, что она проснулась.

Такой был ее сон — не лучше, но и не хуже многих дурных снов. Однако, увидев газетное фото, Джейн быстро опустилась в кресло, чтобы не упасть. Комната поплыла. Голова была та самая, первая, не старика — узника. Джейн с трудом взяла газету и прочитала: «Казнь Алькасана» — крупными буквами, а ниже, помельче: «Ученый-женоубийца гильотинирован». Что-то она об этом слышала, Алькасан, француз из алжирцев, известный физик, отравил свою жену. Значит, вот откуда сон, она видела вечером это ужасное лицо. Нет, не получается, газета утренняя. Ну, значит, видела раньше и забыла, ведь суд начался несколько недель назад. Займемся Донном. Что там у него? А, неясные строки в конце «Алхимии любви»:

Не жди ума от женщин; им пристали
Заботливость и скромность, что пленяли
Нас в матери...

«“Не жди ума...” Ждет ли его хоть один мужчина? Ах, не в этом дело, надо сосредоточиться, — сказала

себе Джейн и тут же подумала: — Видела я раньше эту фотографию?»

Через пять минут она убрала книги, надела шапочку и вышла. Она не знала, куда идет. Да что там, только бы подальше от этой комнаты, от этого дома.

2

Марк тем временем шел в Брэктон-колледж и думал о других вещах, не замечая, как красива улочка, спускавшаяся из пригорода к центру.

Я учился в Оксфорде, люблю Кембридж, но, мне кажется, Эджстоу красивее их. Во-первых, он очень маленький. Никакой автомобильный, сосисочный или мармеладный король не осчастливил еще городок, где расположился университет, а сам университет — крохотный. Кроме Брэктона там всего три колледжа — женский, за железной дорогой, Нортумберленд, рядом с Брэктоном, у реки, и так называемый Герцогский, напротив аббатства. В Брэктоне студентов нет. Основан он в 1300 году, чтобы дать пропитание и приют десяти ученым мужам, которые должны были молиться о душе Генри Брэктона и вникать в английские законы. Постепенно их стало сорок, и теперь только шестеро из них изучают право, а за душу Генри Брэктона не молится никто.

Марк Стэддок занимался социологией и в колледже работал лет пять. Сейчас его дела шли очень хорошо. Если бы он в этом сомневался (чего не было), он бы отбросил сомнения, когда у почты встретил Кэрри и тот, словно это само собой разумеется, пошел дальше вместе с ним, обсуждая предстоящее заседание. Кэрри был у них проректором.

— Да, — сказал Кэрри, — времени уйдет много. Наверное, до вечера задержимся. Реакция будет противиться изо всех сил. Но что они могут?

Никто не угадал бы по ответу, что Марк в полном упоении. Еще недавно он был чужим, плохо понимал действия «Кэрри и его шайки», как сам тогда называл их, и на заседаниях говорил редко, нервно и сбивчиво, нимало не влияя на ход событий. Теперь он внутри, а шайка — это «мы», «прогрессисты», «передовые люди колледжа». Случилось это внезапно, и он еще не привык.

— Думаете, протащим? — сказал Стэддок.

— Уверен, — отвечал Кэрри. — Ректор за нас, и Бэзби, и биохимики. Пэлем и Тед соображают, не подведут. Ящер что-нибудь выкинет, но никуда ему не деться, голосовать будет за нас. Да, главное: Дик приехал!

Стэддок лихорадочно порылся в памяти и вспомнил, что один из самых тихих сотрудников носит имя Ричард.

— Тэлфорд? — удивленно спросил он. Понимая, что этого быть не может, он придал вопросу иронический оттенок.

— Ну, знаете! — захохотал Кэрри. — Нет, Дик Дивайн, теперь он лорд Феверстон.

— То-то я думаю! — сказал Стэддок, смеясь вместе с ним. — Очень рад. Знаете, я его никогда не видел.

— Как можно! — сказал Кэрри. — Приходите сегодня ко мне, он будет.

— С удовольствием, — искренне ответил Стэддок и, помолчав, прибавил: — Кстати, у него все в порядке?

— То есть как? — спросил Кэрри.

— Помните, были разговоры, что нельзя держать человека, если его никогда нет.

— Ах, Глоссоп и его банда! Ничего у них не выгорит. Неужели вы сами не видите, что это пустая болтовня?

— Вижу, конечно. Но, честно говоря, нелегко объяснить, почему Феверстон занимает место в Брэктоне, когда он все время в Лондоне.

— Очень легко. Разве колледжу не нужна влиятельная рука? Вполне возможно, Дик войдет в следующий кабинет. Да он и сейчас гораздо полезнее, чем эти Глоссопы, просиди они тут хоть всю жизнь!

— Да, да, но на заседании...

— Вам надо знать о нем одну вещь, — перебил его Кэрри. — Это он вас проташил.

Марк молчал. Ему не хотелось вспоминать, что когда-то он был чужаком для всего колледжа.

— Да, — продолжал Кэрри. — Работы Деннистона понравились больше. Это Дик сказал, что нам нужен такой человек, как вы. Пошел в Герцогский, все о вас разнюхал и гнул свое: работы работами, а человек важнее. Как видите, он был прав.

— Весьма польщен... — сказал Марк и не без иронии поклонился. В колледжах не принято говорить о том, как именно ты прошел по конкурсу; Марк до сих пор не знал, что прогрессисты отменили и эту традицию. Не знал он и о том, что попал сюда не за свои таланты, а уж тем более — о том, что его чуть не провалили. Чувство у него было такое, словно он услышал, что отец его едва не женился на совсем другой девушке.

— Да, — говорил тем временем Кэрри, — теперь видно, что Деннистон совсем не подходит. Талантлив, ничего не скажешь, но совершенно сбился с пути. Хочет поделить поместья, то-се... Говорят, собирается в монахи.

— А все-таки он человек неглупый, — сказал Марк.

— Я рад, что вы и Дик познакомитесь, — сказал Кэрри. — Сейчас некогда, а потом я с вами хочу обсудить одно дельце.

Стэддок вопросительно взглянул на него. Кэрри понизил голос:

— Мы с Джеймсом и еще кое-кто думаем, не сделать ли его ректором. Ну вот мы и дома.

— Еще нет двенадцати, — сказал Марк, — в «Бристоль» не зайдем?

Они зашли. Когда ты свой человек, приходится делать такие вещи. Марку это было труднее, чем неженатому Кэрри, который еще и больше получал. Но в «Бристоль» было очень приятно, и Марк взял виски для проректора, пиво для себя.

3

Когда я единственный раз гостил в Брэктоне, я уговорил моего хозяина пустить меня в лес и оставить там на час одного. Он попросил прощения за то, что запирает меня на ключ.

Мало кого пускают в Брэгдонский лес. Войти туда можно лишь через ворота, созданные Иниго Джонсом, и высокая стена окружает поросшую лесом полосу земли в четверть мили шириной, в милю длиной. Когда вы входите с улицы в колледж и через него идете туда, вам кажется, что вы постепенно

проникаете в святая святых. Сперва вы пересекаете двор, названный именем Ньютона, — квадрат, по всем сторонам которого стоят красивые здания в немного вычурном и довольно новом стиле. Потом входите в холодный коридор, где темно даже днем, если закрыта дверь справа, ведущая в зал, и левая дверь, с окошком, ведущая в кладовую, из которой сочится запах свежего хлеба. Вынырнув из тоннеля, вы оказываетесь в самом старом, средневековом здании и выходите во внутренний дворик, заросший травой; после строгого двора, рядом с серым камнем, он кажется на удивление уютным и живым. Недалеко часовня — и отсюда слышно, с каким хрипом идут старинные большие часы. Пройдя мимо урн и бюстов, поставленных в память бывших членов колледжа, вы спускаетесь по выщербленным ступенькам в ярко освещенный двор, носящий имя леди Элис, и вам вспоминается Беньян или Уолтон. И слева и справа от вас — здания XVIII века, скромные, похожие на простые домики, со ставнями и черепичной крышей. Дворик этот с четвертой стороны не замкнут — там лишь несколько вязов, а за ними стена. Здесь вы слышите впервые журчание воды и воркованье горлиц; вы уже так далеко, что других звуков нет. В стене — дверца, за ней — крытая галерея с узкими окнами по обе стороны. Выглянув из окна, вы видите, что внизу течет темная река. Вы перешли мост, цель близко. За мостом — площадка для игры в мяч, за нею — высокая ограда. Через решетку работы Джонса вы видите глубокие тени и залитую солнцем зелень.

Мне кажется, лес многим обязан стене — ведь огороженное место драгоценно. Когда я ступал по